

С. Г. Селиванова*

ИМЯ КАК МАНИФЕСТАЦИЯ «НЕЧТО» В ФИЛОСОФИИ РАННЕЙ СТОИ: ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье проводится анализ категории имени в контексте стоической физики. Имя рассматривается как порождение и репрезентация высшего рода бытия «нечто», которое определяет содержание и порядок именованного. «Нечто» оказывается основанием порождающей способности имени, связывающей его с модусами телесного, бестелесного и воображаемого. «Нечто», охватывая собой сферы бытия и сущего, представляет собой предел именованного, горизонт всякого категориального определения и обозначения, через него и благодаря ему всякое сущее и прежде всего имя, получает доступ к бытию, статус «(по)рожденного». «Нечто», таким образом, это еще и порождающая способность, которая имеет дело с системой отношений как между телесным и бестелесным, так и телесным и воображаемым, бестелесным и воображаемым. Имя причастно, в той или иной степени, ко всем модальностям: и телесному, и бестелесному, и воображаемому. Рассматривая имя через призму взаимоотношений, а именно как деятельность именованного, автор приходит к выводу о генетической транзитивности и обусловленности имени «нечто».

Ключевые слова: определенное местоимение, неопределенное местоимение, имя, нечто, телесное, бестелесное, воображаемое, смысл, лектон, стоики, онтология.

S. G. Selivanova

NAME AS A MANIFESTATION OF "SOMETHING" IN THE EARLY STOICS PHILOSOPHY: HERMENEUTIC ANALYSIS

The article analyzes the name category in the context of Stoic Physics. The name is regarded as the creation and representation of the highest kind of being "something" that determines the content and naming order. "Something" turns out to be the basis of the generative ability of the name, connecting it with the modes of corporeal, incorporeal and

---

* Селиванова Светлана Геннадьевна, аспирант, кафедра Философской антропологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; e-mail: s.selivanovamag@gmail.com

imaginary. “Something”, encompassing the spheres of being and existing, represents the limit of naming, the horizon of any categorical definition and designation, through it and thanks to it, everything existing and, above all, the name gains access to being, the status of “(in) born”. “Something”, therefore, is also a generative ability that deals with the system of relations between the corporeal and incorporeal, and the corporal and imaginary, incorporeal and imaginary. The name is involved, to one degree or another, in all modalities: the corporeal, the incorporeal, and the imaginary. Considering the name through the prism of relationships, namely, as a naming activity, the conclusion is drawn about the genetic transitivity and determination of the name by “something”.

Keywords: definite pronoun, indefinite pronoun, name, something, corporeal, incorporeal, imaginary, meaning, lekton, Stoics, ontology.

Имя в стоической философии не просто категория логики, оно обнаруживает связь в том числе с физическим и этическим учениями школы. Вся философия стоиков — единство различных моментов, не просто упорядоченных в рамках той или иной области, но взаимосвязанных, взаимообращенных, как пишет А. С. Степанова, «стоики, следуя идее Целого, исповедовали идею содержательного синтеза, выражающуюся в поиске принципов, лежащих в самой основе мироздания и в то же время обладающих таким свойством всеобщности, которое позволяет им проявляться в субъективной сфере разума» [3, с. 215]. Всеобщность эта может быть выражена различным образом, однако именно имя является универсальным человеческим способом отображения мира (внешних и внутренних явлений), способом его познания и действия в нем, и не последнюю роль в этом играет связь имени и смысла (лектон). Имя оказывается своеобразным маркером, указывающим на антропологическую направленность разыскания.

Так, если имя — категория логики и рассматривается преимущественно в логическом корпусе учения, то «ничто» является также и предметом физики стоиков. Несмотря на то что до нас дошло довольно мало фрагментов, объясняющих содержание и смысл данной категории, мы ставим себе задачу его истолкования, используя принцип единства логического и исторического с герменевтическим методом в центре. Это создаст не только пространство для интерпретативных моделей, но даст нам возможность связать имя и «ничто», провести между ними онтологически-генетическую связь, указав на характеризующие эту взаимосвязь особенности.

Функция дейксиса в стоической логике: «ничто»

Категория «ничто» (τὸ τί) практически открывает собой физику стоиков, представляя собой одну из оригинальных и самобытных философских понятий. Однако прежде чем переходить к физике, необходимо остановиться на логике и теории языка, именно здесь «ничто» обретает формально-терминологическую определенность.

Стоики употребляют понятие «дейксис» (δείξις), когда подразделяют простые высказывания на определенные, неопределенные и ни неопределенные, ни определенные, или средние [SVE, vol. II, p. 205]. Так, определенные высказывания содержат в себе указание на что-то (или кого-то) определенное, частное — тот, этот. Другая особенность определенных высказываний состоит

в том, что их смысл, их лектон, напрямую соотносится с категорией «существующего», поскольку они всегда указывают на реально-наличное бытие, «живое или относящееся к живому» [SVF, vol. II, p. 202], если речь идет о человеческом существе. А такой действительностью обладают только тела и телесное. Субъект средних высказываний, указывающих ни на определенное, ни неопределенное, выражается посредством имени собственного или нарицательного. Отличие между первой и второй формами лежит не только в грамматике, существенным нам представляется отношение актуальности внутри данных форм высказываний. Если для определенного высказывания необходимо, чтобы субъект высказывания находился здесь и сейчас, в момент артикуляции, то для среднего высказывания такая актуальность не принципиальна. Для него существенной является своеобразная безотносительная полнота, категориальная определенность. Самым демонстративно удачным примером данной области выражения будут родовые понятия, такие как «человек», «собака», «стол» и т. д. И если дейксис (указание) «не присваивает никаких свойств предмету» [2, с. 89], то имена (собственные и нарицательные) несут в себе сущностную определенность, оформленность и качественную «таковость». Имя (прежде всего это касается имен собственных) связано с субъектом не непосредственно денотативно, а опосредованно, коннотативно, поскольку «указывает» не на объект (например, Сократ в высказывании «Сократ идет»), а на бытие Сократом как некоторую присущую индивидуальность [9, p. 39–40], именно поэтому ни одно имя, по мнению Стоиков, не является и не может быть *достаточным* указанием на что-то или кого-то [4, с. 81], здесь мы имеем дело с предельной обобщенностью, а не частностью свойств и характера [SVF, vol. II, p. 278].

Наконец, субъект неопределенных высказываний выражается неопределенными местоимениями: «нечто», «некто», «который» и др. Остановимся на первом. А. С. Степанова, определяя «нечто» и его содержание, отмечает двойственность его логико-семантического понимания. Во-первых, оно может быть понято как обобщение, все подряд, «всякое»; во-вторых, может употребляться вместе с другими словами и определениями, в силу чего «еще более подчеркивается “странный”, недостаточный, незавершенный характер этого слова и означает крайнюю степень неопределенности» [3, с. 161]. К этому стоит так же добавить третье значение: общее (родовое) качество, которое, по свидетельству Симпликия, может сказываться не только о телах, но также родах и эйдосах (предельных понятиях, мыслимом) [SVF, vol. II, p. 278].

В неопределенном местоимении «нечто» содержится потенция определенного («определенное неизвестное» [3, с. 162]), которое обретает ту или иную формулировку в зависимости от контекста; оно дает место актуальному, порождая новые смысловые оттенки и значения. Будучи виртуализированной категорией, пограничным термином, «нечто» актуализирует скрытые в языке и реальности взаимосвязи, порождает заранее не заданные соотношенности между тем, что существует, и тем, что как бы существует, (пока) не существует. Далее мы вступаем в область физики Стоиков, хотя многое из вышесказанного найдет свое выражение в т. ч. в физической части учения.

«Нечто» как первый род сущего

Покинув территорию языка, «нечто» тем самым обретает онтологическое значение. Категории языка — неопределенному местоимению «нечто» — стоики придали особый статус, наделив его артиклем среднего рода (τὸ τί). «Нечто» как род сущего — это всегда определенное особым образом нечто, потенциально-множественное, изменчивое и неустойчивое, все в себе содержащее и из себя порождающее (Филон Александрийский свидетельствует, что «нечто» — это высший род существующего [SVF, vol. II, p. 334]), Сенека добавляет к этому еще и такую предметность, которая как таковая не существует, но которую можно представить [SVF, vol. II, p. 332]. Противопоставляя «нечто» «ничто», стоики создают систему, организация которой обнимает три рода сущего: (1) телесное; (2) бестелесное; (3) ни телесное, ни бестелесное.

Актуальностью обладают лишь тела, именно они могут действовать и испытывать воздействие (истинно-сущее); бестелесное — сущее иного рода, «как бы сущее», напротив, не способно воздействовать и испытывать воздействие, условный и умопостигаемый характер его данности определяет, по мысли стоиков, его место в ряду сущих. И наконец, третий род, назовем его «как бы несущее», куда включается представимая предметность, то, что хотя и не обладает сущностью и не имеет умопостигаемого характера, но «существует» или возникает в представлении; т. н. «мысленные конструкты, границы («передель») тел» [7, с. 181]. Пример, иллюстрирующий указанный род «сущего», приводит Сенека, когда упоминает «кентавра» и «гиганта» [SVF, vol. II, p. 332]. Особенность этого рода «нечто» состоит в образном способе представления, который имеет определенный аналог с кантовской способностью воображения. И если телесное и бестелесное обладают надындивидуальным характером, то воображаемое (3), напротив, индивидуализировано. Человек в философии стоиков оказывается способным не только воспроизводить, но и производить, опираясь на собственный опыт, моделируя и трансформируя его. «Нечто» оказывается категорией, связывающей собой не только некие устойчивые субстанции и сущности, не предметность мира, актуальную и умопостигаемую, но также всю совокупность свойств, связей и взаимоотношений; «нечто» вбирает в себя все изменчивое и непостоянное, непредвиденное и непредустановленное, неустойчивое и незавершенное, «олицетворяет абстракцию всеобщего, выражающего стороны, свойства, связи предметов и явлений мира. Оно обозначает неопределенное множество свойств...» [3, с. 164] Именно событийность, номадичность структур фундирует сущее, порождая все новые сущности через родство, симпатию, соединение и сочленение, с одной стороны, и разъединение, распадение, разрушение — с другой. Творческая способность, таким образом, связывается не с принципиально новым, не прежде бытийствующим «нечто», скорее, речь идет о рекомбинации, соположении и сращении элементов в бесконечное разнообразие возможных комбинаций.

Все три рода «нечто» так или иначе взаимодействуют друг с другом на разных уровнях, между ними происходит постоянная событийная «стяжка», которая то возникает, то распадается, производя все новые сращения и сочленения. И хотя только тела могут быть пассивными либо активными (воздействовать и претерпевать воздействие) по отношению к друг другу, это

не исключает связи их с бестелесными сущностями, как то: лектон, время или пустота. Более того, взаимодействие столь отличных сущностей на разных уровнях и в рамках всей доктрины — и логики, и физики, и этики — позволяет рассматривать философию стоиков как синтетическую теорию, включающую в себя как идеи материализма, так и идеальные сущности (нередуктивный физикализм) [11, р. 405]. Телесное и бестелесное взаимодействуют не посредством причинной связи, хотя можно говорить о том, что нет первого без второго, как нет второго без первого. Марчелло Боэри (Marchelo D. Boeri), на наш взгляд, удачно обозначил эту связь как комплиментарную, поскольку даже когда стоики утверждают, что по-настоящему реальностью обладают только тела, именно бестелесные нечто являются условием актуальности телесного, более того, именно бестелесное обеспечивает связь человека с миром, возможность познания этого мира и себя, действия в нем, а благодаря языку реальность не только обретает для нас модус действительного, но ее означает, делает значимым и осмысленным. Перефразируя Канта, И. Боэри пишет: «... бестелесные сущности без содержания пусты, телесные сущности, лишенные бестелесного, слепы» [10, р. 751–752].

Имя и «нечто»: определенность в неопределенном

Своеобразие философии стоиков, а именно их онтологии, заключается в том, что они стремились уйти от понятия о бытии и дихотомии бытие/небытие [3, с. 218; 13, р. 87]. Именно «нечто» позволило им создать неклассическое «учение о бытии». Небытие перестает играть конституирующую роль в физике, а двуполярность бытия/небытия (ничто) уходит из сферы их интереса, его место занимает дихотомия нечто/как бы нечто, или квазинечто, или не-нечто [13, р. 87–88]. Первое относится к телам, второе — к бестелесному и мыслимому (то, что прежде мы обозначили как воображаемое). В силу того, что такого рода воображаемые квазисущности невозможно отнести к ничто, они получают особый статус, поскольку они присутствуют в представлении, а значит и мысли, все они так или иначе должны быть именованы, получить имена и определения, чтобы быть функциональными, причем речь идет как о телесных сущностях, так и бестелесных.

Генезис имени напрямую связан с представлением о сущности. Х. Субири, пытаясь вывести определение сущности, указывает на трехступенчатость его манифестации. Свое первое, первоначальное определение термин «сущность» получает на жестовом уровне. Мы непосредственно схватываем сущность предметности, отвечая на вопрос *что это нечто*, мы отделяем некоторое неизвестное, указывая на него и тем самым помещая это нечто в фокус нашего внимания, т. е. «все то, чем фактически является та или иная вещь, вкуче с метами, которыми она обладает *hic et nunc* [здесь и теперь], включая это самое *hic* и это самое *nunc*» [5, с. 15]. Сталкиваясь многократно с вещью в мысли и/или действительности, мы приходим к некоему представлению о ней, ее образ закрепляется в памяти, образуя устойчивую коннотативную связь. Эту связь условно можно обозначить как «если то, то это». На данном этапе из «нечто» словно бы вытраивается его «не-», становится «что», однако пока только как дейктический знак о вещи. Далее это «что» начинает обретать более ясные

очертания, подобно тому как проступает образ на аналоговой фотографии, он становится все четче и четче, у него появляются «меты», черты, которые выделяют его среди других. Именно здесь сущность обретает лик — свое имя, или, как пишет Х. Субири, теперь «оно трансформировалось в настоящее “именование”, будь оно собственным или видовым. В таком понимании “что” отвечает на вопрос не о дейктическом *quid*, а о *quid* именуемом: это уже не только “вот это”, но Петр, человек, собака, и т. д.» [5, с. 16]. Это «настоящее» именование дает «нечто» определенность уже не дейктическую, но именную; проименованное «что» выплавляет предметность. Первое имя, на наш взгляд, имеет аналог в стоической философии — «пролепис» (προλήψις), или предпонятие.

Наконец, третье определение «сущности» связано с совокупностью мет, имеющих необходимый характер, «меты, которые, будучи взяты в самих себе, как таковых, не только более или менее характеризуют вещь, не позволяя спутать ее с другими, но и никоим образом не могут отсутствовать у вещи» [5, с. 16]; это качества внутреннее присущие, необходимые там, где нет места ничему наносному, случайному, внешнему. Все вышесказанное опять же подводит нас к другой аналогии стоической философии, а именно понятию (ἔννοια). На этом этапе «нечто» становится предметом знания как такового, а значит — системы и науки. Так, постепенно, из сферы чувственного восприятия, чисто телесного свойства (предметность, схваченная каталептическим представлением) вещь связывается с бестелесным посредством имени и смыслового содержания, ему присущего или приданного, чтобы затем стать телом иного качества — дифференцированным, полновесным, некоторым образом завершенным. Такое определение есть уже определение вещности как универсалии [13], а не конкретной, индивидуальной вещи как той или этой.

Субъективный характер имени в стоической философии подчеркивает А. С. Степанова, когда говорит о связи имени скорее с мыслью и представлением, образом вещи, а не самой вещью: «Имя, считали стоики, есть образ, а именно образ понятия, причем образ сложный. Он выступает, во-первых, как материальная данность — телесно-звуковой (внешняя речь), а во-вторых, как образ, выражающий значение мысли (внутренняя речь)» [3, с. 228]. Имя архетипично в том смысле, что обнимает собой и телесное (наглядно-чувственное), и бестелесное (смысл и содержание, то, что стоики называют лектон), и воображаемое (индивидуальное творчество). Синкретизм проявляется на всех уровнях: родство имени и «нечто» манифестируется как на языковом уровне (логика стоиков), так и на онтологическом (физика стоиков). В связи с вышесказанным слова П. А. Флоренского о том, что «имя — Ἰὸ τί ἔστι — сказуемое нашего переживания, оно есть именно то, что сказывается о неказанном, подлежащем раскрытию чрез имя, чрез ряд имен, чрез ритм имен» [6, с. 121], как нельзя лучше иллюстрируют эту взаимосвязь.

Понимание имени как понятия и универсалии приближает нас к третьей части учения стоиков, этике. Правильно оформленное, постигнутое и определенное имя способствует не только постижению законов природы (науке) и их систематизации, оно направляет деятельность человека, служит ему путеводителем и ключом к пониманию как космического Логоса, так и сродства человека с ним, всеобщей мировой взаимосвязанности, симпатии.

Заключение

Задача настоящего исследования состояла в том, чтобы указать и проследить те взаимосвязи, которые имеют место между именем и «нечто» в философии ранней Стои. Мы не ставили себе цель радикализовать результаты нашей работы и утверждать, что имя является той константой, осью, что связывает всю систему в единое целое, как это делает, например, А. Н. Шуман: «...стоическая система представляет собой исчисление имен, т. к. основной ее семантической единицей выступает каталептическое представление — ненулевая по объему именная константа» [8, с. 92]. Мы лишь стремились проследить генезис имени, то, как имя фундирует себя. Именно «нечто», на наш взгляд, содержит в себе потенцию именованного; как собирательное понятие оно объемлет всевозможные имена, настоящие и будущие, денотативные или воображаемые.

Неопределенность «нечто», неопределенность его содержания, однако, не позволяют нам полагать тождество между «нечто» и хаосом как некоей бесконечной неопределенной творческой потенцией. На той же точке зрения стоит А. А. Столяров, он отвергает возможность интерпретации стоической космологии как хаоса-в-себе, «которому слово-разум сообщает порядок и структуру» [4, с. 71]. Стоическая философия далека от этого. Она остается античной, хотя и со своими уникальными, самобытными чертами. Абсолютная неопределенность остается для стоиков «дурной бесконечностью». «Нечто», несмотря на грамматическую и онтологическую незавершенность и неопределенность, предстает все-таки как чистая совокупность, подобно той, о которой говорил Парменид, говоря о шарообразности всего существующего, хотя и без четких границ, как своего рода «упорядоченный апейрон».

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанова А. С. Антропология Стои. Коммуникативный аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2005. — № 10 (5). — С. 134–143.
2. Степанова А. С. Дейксис и семантика жеста в учении Стои // Вестник СПбГУ. Сер. 9. — 2005. — Вып. 1. — С. 88–92.
3. Степанова А. С. Философия Стои как феномен эллинистическо-римской культуры. — СПб.: Петрополис, 2012. — 400 с.
4. Столяров А. А. Философия Стои. — М.: АО Ками групп, 1995. — 444 с.
5. Субири Х. О сущности. — М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. — 456 с.
6. Флоренский П. А. Имена. — М.: Эксмо, 2006. — 896 с.
7. Фрагменты ранних стоиков: в 3 т. / сост. А. А. Столяров. — М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1999. — Т. 2.
8. Шуман А. Н. Философская логика. Истоки и эволюция. Мн.: Экономпресс, 2001. — 368 с.
9. Bardzell J. Speculative grammar and stoic language theory in medieval allegorical narrative. — New York; London: Taylor & Francis, 2008.

10. Boeri M. D. The Stoics on bodies and incorporeals // *The Review of Metaphysics*. — 2001. — Vol. 54(4). — P. 723–752.
11. Harven de V. How Nothing Can Be Something: The Stoic Theory of Void // *Ancient Philosophy*. — 2015. — Vol. 35. — P. 405–429.
12. Sandbach F. H. *The Stoics*. 2nd ed. — London: Bristol Classical Press, 1989.
13. Sedley D. The Stoic theory of universals // *The Southern Journal of Philosophy*. — 1985. — Vol. 23(1). Supplement. — P. 87–92.
14. Vogt K. M. Sons of the Earth Are the Stoics Metaphysical Brutes? // *Phronesis*. — 2009. — Vol. 54(2). — P. 136–154.
15. Von Arnim J. *Stoicorum veterum fragmenta (SVF)*: in 4 vols. — Leipzig: Teubner, 1903.